

ВОСХОЖДЕНИЕ В МОСКВУ, ТЕПЕРЬ УЖЕ...
"КРАСНОКАМЕННУЮ"

«Панорама первая была в густой тьме, потому что въехал я в Москву ночью. Это было в конце сентября 1921 года: По гроб моей жизни не забуду ослепительного фонаря на Брянском вокзале и двух фонарей на Дорогомиловском мосту, указывающих путь в родную столицу»¹. Сегодня, по скупулезным биографическим данным доподлинно известно, когда и как Булгаков приехал в Москву. Помимо архивных сведений и письменных свидетельств, художественный фон произведений Михаила Афанасьевича вполне достаточен для восстановления последовательного хода событий. Но одно дело приехать: «сам переезд не составил для меня особенных затруднений, потому что багаж мой был совершенно компактен. Всё моё имущество помещалось в ручном чемоданчике»², совсем иное – устроиться. А это в условиях постреволюционных реалий, зарождения НЭП-а и пр., сделать было не так уж легко. «Белые дни и драповое пальто. Драп, драп. О, чёртова дерюга! Я не могу описать, насколько я мёрз. Мёрз и бегал. Бегал и мёрз!»³. Образ этого бараньего полушубка, пропутешествовавшего с ним из Владикавказа, страшным сном возникал неоднократно: утонченному эстету, каким был Булгаков, ношение чего-то несуразного и «мужицкого» было равносильно унижению. По более поздним воспоминаниям Эм.Мидлина, бывшего одно время лит.секретарем редакции «Накануне»^{*} и его корреспондентом, о начинающем писателе говорилось так: «В Булгакове всё – даже недоступные нам гибсово-твердый ослепительно свежий воротничок и тщательно повязанный галстук, не модный, но отлично сшитый костюм, выутюженные в складочку брюки, особенно форма обращения к собеседникам с подчеркиванием отмершего после революции окончания «с», вроде «извольте-с» или «как вам угодно-с», целование ручек у дам и почти паркетная церемонность поклона – решительно всё выделяло его из нашей среды»⁴.

С первых же дней революционных перемен и в Киеве, и во Владикавказе, в Тифлисе, и в других городах, а теперь и в Москве, - он казался «белой вороной», осколком прошлого, чудом, уцелевшим в вихре переворота. Впрочем, во все времена: и при царизме, и при буржуазном строе, и даже при социализме были и, наверное, будут, так называемые, с легкой руки

* «Накануне» - филиал берлинской газеты в Москве.

Пушкина, «лишние» люди, родившиеся не вовремя, не там и не к месту! Но это не значит, что они «выпали» из жизни, не старались «выплыть» на поверхность. Вся жизнь Михаила Афанасьевича – ярчайшее тому доказательство: душевный мир, огромный, неповторимый талант, неумирающий и несгибаемый дух боролся в дерзких попытках не только выжить, но и привнести свою генетическую культуру в нарождающийся «новый мир». Та самая пресловутая «недобитая» интеллигенция желала найти своё место под солнцем, пусть это солнце было уже другим. Но Россия, переименованная в Советы, всё же оставалась горячо любимой родиной, отчизной, которую трудно было предать и которой нельзя было изменить. Конечно, приходилось меняться, перестраиваться. Как известно, зима 1919 – 1920-ых годов стала переломной в жизни Булгакова. «Как-то ночью в 1919 году глухой осенью, едуци в расхлябанном поезде при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнёс рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали»⁵. Как установлено биографами, это была статья «Грядущие перспективы», а городом, куда затащил поезд-судьба – Владикавказ. Так Кавказ стал колыбелью его публицистики. «Теперь, - пишет он в своей первой статье, - когда наша несчастная родина находится на самом дне позора и бедствия, в которую её загнала «великая социальная революция», у многих из нас всё чаще и чаще начинает являться одна и та же мысль. Эта мысль настойчивая. Она – тёмная, мрачная, встаёт в сознании и властно требует ответа. Она проста: что же будет с нами дальше»⁶. С глубоким чувством сожаления и скорби Булгаков говорит о «наказании» и «вине». По его убеждению, «мы» были виноваты, ибо теперь «наказаны». «Мы» - это, наверняка, интеллигенция, не сумевшая отвоевать своё прошлое, струсившая перед лицом классового врага, «представители неудачливого поколения, умирая в чине жалких банкротов», - навсегда потеряли своё право на будущность страны, ставшей советской. И, во всяком случае, пока, не способны созидать, восстанавливать разрушенную родину. «Безумство двух последних лет, - пишет автор, - толкнуло нас на страшный путь и нам нет остановки, нет передышки. Мы начали пить чашу наказания и выпьем ее до конца»⁷. Горечь потерь и неясность грядущего слышится в каждой строчке статьи, но тревожная вера в будущее всё же проскальзывает, не давая отчаянию полностью овладеть душой...

Со знаменательного старта на Кавказе в качестве литератора прошёл год, полный отчаянных попыток как-то прожить, разобраться в собственном призвании (а как мы знаем, вопрос о своём месте в обществе Булгаков

ставил превыше всего), возникала мысль уехать за рубеж, но что-то удерживало. Может, то самое пресловутое призвание... «Из-за чего же это всё? Из-за дикой фантазии бросить всё и заняться писательством»⁸, не давало вслед за тысячами эмигрантов покинуть родину. И вместо Константинополя Михаил Афанасьевич выбрал – Москву... Живой сарказм звучит в строках фельетона «Сорок сороков», описывающего «щетинистую» встречу с родной столицей: «глыба мрака и два огня», с чужим и растерзано-неприветливым городом, живущим в памяти светлым и невозвратным воспоминанием. «Теперь, когда все откормились жирами и фосфором, поэты начинают писать о том, что это были героические времена. Категорически заявляю, что я не герой. У меня нет этого в натуре. Я человек обыкновенный – рожденный ползать – и, ползая по Москве, я чуть не умер с голоду...»⁹. Один, без работы, наличия мандатов, пайков, нужных знакомств, он пробирался по новой столице, ежеминутно заглядывая в глаза голодной смерти. Да, на этот раз угроза могла быть отнюдь не героической: от пули, как раньше, своей или вражеской (впрочем, разве Булгаков когда-нибудь сознательно примыкал к какому-либо стану?! - М. А.), или от сыпного тифа, чуть не стоившего ему жизни во Владикавказе... Нет! От более прозаических причин – голода и холода. Об этом времени конца 1921 года сестра Булгакова Надежда Афанасьевна писала так: «Приехав в Москву в сентябре 1921 года, без денег, без вещей и без крова, Михаил Афанасьевич одно время жил в Тихомировском студенческом общежитии...»¹⁰. А 23 октября 21-ого он сообщал в Киев: «Игривый тон моего письма объясняется желанием заглушить тот ужас, который я испытываю при мысли о наступающей зиме... Может померём, а может нет. Работа у меня гибель. Толку от неё пока немного...»¹¹. С этим письмом перекликается и позднее воспоминание первой жены писателя Татьяны Николаевны: «Конечно, в Москве было очень плохо. Нужда была страшная.<...> Если удавалось продать что-то из вещей, куплю картошки, хлеба. Поедим.»¹². По её же словам, хуже, чем в первый год жизни в Москве у них никогда не было. Но не так-то легко было сломить закаленного (уже!) в борьбе не только за достойное существование, но и за право творчества в непереносимых условиях возникновения нового строя, где не находилось места для «недобитых буржуев», «господ с контрреволюционной «революционностью», как называли Булгакова ещё во Владикавказе, стараясь вычеркнуть их навсегда из книги человеческой жизни, дав место рожденному уродцу-классу: «Среди Дунек и неграмотных рождается новый, пронизывающий все узлы бытия организационный скелет»¹³. Но это только начало, и как отмечал Булгаков, «Москва – котёл,

в нём варят новую жизнь. Это трудно. Самим приходится вариться»¹⁴. И вариться не просто так, а со всеми соками и потрохами: вертеться, чтобы выжить, молчать, чтоб потом говорить. Но Михаил Афанасьевич не умел приспособляться, нивелировать, притворяться, - всё это было ниже его достоинства, мельче, чем цель, поставленная перед мысленным взором начинающего писателя. Недаром Георгий Петрович Шторм, литератор, работавший когда-то с ним в «Лито»¹⁵, сразу же в разговоре с литературоведом М.О.Чудаковой сказал: «Он сохранил лик, а я надел личину»¹⁶. В этих словах – прямое подтверждение морального величия Булгакова: как бы жизнь не била, сколько бы бед и наговоров не было, - всегда оставаться на высоте своих принципов. Только в своих произведениях он мог иронично подтрунивать над своими, часто выдуманскими, «недостатками» и житейскими страхами. «Буржуи меня гнали при первом же взгляде на мой костюм в стан пролетариатов (Судьбоносное преимущество одежды, неоднократно подводившее! - М.А.). Пролетарии выселяли меня с квартиры на том основании, что если я и не чистой воды буржуй, то во всяком случае его суррогат»¹⁷. Но тяжёлый жизненный опыт не пропал даром: «И не выселили. И не выселят. Смею вас заверить. Я перенял защитные приемы в обоих лагерях. Я оброс мандатами, как собака шерстью, и научился питаться малокаратной разноцветной кашей. Тело моё стало хилым и жилистым, сердце железным, глаза зоркими. Я - закалён»¹⁸.

Неоднократно, во многих рассказах, повестях красной строкой проходит мысль об остервенении. Необходимо было рассердиться, рассвирепеть, чтобы добиться желаемого или хотя бы минимального. Иначе интеллигентностью, вежливостью, благородным поведением невозможно было сдвинуть твердолобую машину под названием – бюрократизм. Достаточно здесь вспомнить рассказ «Воспоминание...», основанный на реальных событиях раннемосковской жизни писателя, впервые опубликованный в журнале «Железнодорожник» в 1924 году. По свидетельству Р. Янгирова. «Воспоминание...» - рассказ автобиографический, скупулесно точный даже в описании деталей¹⁹. Правда, трудно себе представить ночёвку автора на Пречистенском бульваре, каковы бы не были времена, или сон на газовой плите в квартире знакомых... Гиперболизированность реальных событий всегда была в литературном ходу Булгакова, с яркой примесью фантастических элементов. В самом начале творчества, в фельетонах и рассказах зарождалось то, что впоследствии стало главной чертой его произведений: за тканью фантастического вымысла невозможных в жизни событий, - складывалась основная реальная канва, развивались идейно-про-

тиворечивые или типичные характеры, происходили главные перепитии, под тенью которых угадывалась искусно замаскированная авторская идея.

Жилищный вопрос Москвы 20-х годов был вопиющим последствием социальной революции. Красной нитью (в прямом и переносном смысле) проходит он во многих произведениях Булгакова: и в «Москве 20-х» («Вопрос о жилище»), и в «Четырех картинах» («Московские сцены») и др. «Площадь на колесах» - юмористический рассказ, соразмерно переключаящийся с творчеством Зошенко, Ильфа и Петрова, - о семье провинциала из Елабуги, нашедшего уют в вагоне трамвая. Фабула довольно проста: тщетные поиски жилья, вдруг неожиданная удача - квартира на колёсах: тепло, удобно, всё время в движении, не отставая от пульса столичной жизни. Но, как говорится, дурной пример заразителен: «Пурцман отделился в 27-й номер. Мне говорит, это направление больше нравится. Он на широкую ногу устроился. Ковры постелил, картины известных художников...»²⁰. Наш обыватель попроще, не претендует на роскошь, была бы крыша над головой - да и ладно: «ездим, дай бог каждому такую квартиру!»²¹. Но не тут-то было: в декабре, вместо рождественской ёлки - сюрприз - выселили бедолагу, причём вышестоящие все органы: в вагон вселился участок милиции, а то как же: «всю Москву изрыли, искали жилищную площадь», а она - тут! Финал истории курьезен: «А к Пуцману школа I ступени имени Луначарского». Вот так. Поистине, акафист жилищному богу! Возможно ли хлестче высмеять бюрократическую систему, не оставляющую рядовому человеку никаких надежд. Не новая идея «маленького человека» - мало того, что нужно «вылетать как пробка», к тому же запрещают селиться там, где бог послал - в подвале, трамвае, в подворотне... или просто под открытым небом. Утрированность жизненных ситуаций помогала более или менее «спокойно» относиться к чудовищным перегибам нарождающегося строя, несовершенствам и несуразностям новых взаимоотношений - личностных и общественных. Но где, в каком измерении можно было «переждать» лихолетье, это страшное безвременье?! «Только вооружившись сатирой Гоголя и фантазией Гофмана, можно было изобразить то, что тогда называлось «гримасами нэпа» и что стало главной пищей для сатирического гения синеглазого» (Булгакова. - М.А.)²².

Надо отметить, что квартирный вопрос был самым животрепещущим в жизни писателя до конца его дней: односторонне обобщая его творчество, можно сказать, что улучшение жилищных условий было чуть ли не главным условием для продолжения литературной и драматургической деятельности. Уже будучи маститым писателем, Булгаков продолжал

мечтать нормальных жилищных условиях. Даже в 1938-ом году он саркастически восклицал: « - Я не что МХАТу, я дьяволу готов продаться за квартиру!...»²³. А вначале творческого пути, по приезде в столицу белокаменную, первым делом он искал жильё: «Человеку нужна комната. Без комнаты человек не может жить. Мой полушубок заменял мне пальто, одеяло, скатерть и постель. Но не мог заменить комнаты, так же как и чемоданчик. Чемоданчик был слишком мал. Кроме того, его нельзя отапливать. И, кроме того, мне казалось неприличным, чтобы служащий человек жил в чемодане»²⁴. Даже эпизодические воспоминания о Ленине опять же связаны с жильём. Письмо и встреча с Надеждой Константиновной вполне реально описаны, ведь Крупская возглавляла в то время Главлитпросвет, в литературном отделе которого - в «Лито» - работал Булгаков. А домуправ в «барашковой шапке», «окрашенный в самоварную краску» - пунктирный прообраз Швондера из повести «Собачье сердце», безликие и одинаковые образцы советского чиновничества. «- Вылетайте, как пробка! – кричали железными головами сообщники председателя. - Я не пробка... я не пробка, - бормотал я в отчаянии, - куда же я вылечу. Я - человек. – Отчаяние съело меня»²⁵. Но оно и помогло. Всемогушая бумажка была получена. Ульянова выдала ордер на совместное жительство (в рассказе – с приятелем). Как это недалеко от аналогии в том же «Собачем сердце»: «... кем угодно, когда угодно, но чтобы это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни кто-либо иной не мог бы даже подойти к двери моей квартиры...»²⁶. В угаре радости автор даже забыл поблагодарить Надежду Константиновну. Впрочем-то, целью рассказа стала возможность сказать: «Благодарю вас, Надежда Константиновна». В год напечатания рассказа она была жива и, возможно, прочла слова писательской благодарности, кто знает...

И в тоже время перемены медленно и, как говорится, верно, происходили, и Булгаков спешил запечатлеть их в своих фельетонах. «Бог-Ремонт, вселившийся в Москву в 1922 году» вызывает вполне заслуженное восхищение: строятся дома, открываются магазины, заполняются товаром прилавки, даже лифты пустили, а по московским улицам уже прошёл «сверхъестественный» мальчик, представший в образе херувима - он «шёл в школу 1-ступени у-ч-и-т-ь-с-я», и в театрах появились фразички, и штрафы за курение в общественных местах и пр. пр. Но перемены не могли заглушить недостатки и издержки НЭП-а: и неграмотность, и спекуляцию, и чиновничий произвол, финансовые махинации и многое другое, а самое насущное - квартирный вопрос, принявший в Москве 20-х годов сакраментальный масштаб. «- Вот совсем не понимаю, почему вы, человек доволь-

но благодущный, как только начинаете говорить о квартире, впадаете в ярость?»²⁷. Но почему бы не впасть, когда твоя жизнь зависит от никчёмного чиновника из Центрожила, самовластно вершащего судьбы тысяч московских квартирных ордеров, выдававшихся по служебному принципу: к примеру, дядя Бурнаков получил ответственный пост и его племянника тут же вселили в квартиру, предварительно «вытряхнув» Курцмана. И бурнаковский племянник развил бурную (тавтология, присущая несуразному времени. - М. А.) деятельность. Безнаказанная наглость и хамство расцвело «бурнаковским» цветом, теми признаками, присущими переходному времени, когда поднимают голову самые тёмные и низкие общественные силы - стяжатели, спекулянты, карманники, золотовалютчики, проходимцы и тунеядцы и пр., пр. Глубоко запрятанные при стабильном общественном строе, они получают раздолье в случаях революционных и иных глобальных перемен. «Публика читающая вообще читает плохо, не вдумываясь. Ей кажется, что фельетонные герои - это так... чепуха... Напрасно, напрасно. Бурнаковский племянник - тип, столь же прочный, как бессмертные типы Н. В. Гоголя. И представьте, таких бурнаковских племянников в Москве не менее 8 тысяч»²⁸.

Попытки вселения совершались повсеместно: теснота в Москве была невыразимой и коренным жителям приходилось «уплотняться», что, естественно, не вызывало положительных эмоций у населения. Однако среди уплотняемых встречались и довольно сообразительные, такие как Зина из фельетона «Москва 20-х годов» и хозяин из «Четырёх портретов» («Московские сцены») - они нашли способ не «вытряхиваться» из шикарных по тем временам апартаментов: «четыре комнаты - три человека». Смелость Зины заключалась в том, что даже после всемогущей «бумажки» она взяла и просто «не вытряхнулась», осталась жить по-прежнему, а герой второго фельетона развесил во всех комнатах портреты Маркса, Троцкого, Луначарского, Либкнехта, провозгласив себя «сочувствующим» и соорудившим такие баррикады, что «кожанным» товарищам из Центрожила приходилось передвигаться по его квартире с угрозой для жизни. Но хитроумные уловки явились лишь временной отсрочкой - реквизиция, налог и прочие радости нового строя не заставили себя долго ждать.

Из фельетона в фельетон можно проследить как изменялась Москва, переходя из революционного лихолетья в новое, совершенствующееся на глазах состояние: «Не узнать Москвы. Москва торгует»; «цветной волной полезли вывески с каждым днём все больших размеров»²⁹. И вместе с городом изменился и столичный народ: наряду с красными спецами здесь орудуют нувориши, в магазинах - все новые покупатели, а на улицах -

умножились автомобили: «Обыкновенная совпублика - пёстрая многоликая масса, что носит у московских кондукторов название: граждане (ударение на втором слоге) - ездит в трамваях»³⁰. Яркими жизненными мазками рисует Булгаков-фельетонист советизированное обновление столицы, как бы на примере одного города показывая глобальные перемены, происходящие повсеместно по всей стране. Сорок сороков московских церквей открыли свою величественную панораму Булгакову, вступившему уже в другую столицу. Московскую музыку строительства он воспринял как надежду на будущее обновление. «На душе у меня радостно и страшно, - констатирует он, - Москва начинает жить, это ясно, но буду ли жить я?»³¹. И этот вопрос не риторический: зовущая музыка обновления звучит оптимистическим маршем возрождения, возвещающего о том, что Россия жива и у неё есть будущее: «я мечтаю, как летом влезу на Воробьевы: туда, откуда глядел Наполеон, и посмотрю, как горят сорок сороков на семи холмах, как дышит, блестит Москва. Москва-мать»³².

Жирной резинкой вынужденной амнезии пришлось стереть прошлое. 30 сентября 21 года, поступая на должность секретаря «Лито», Булгакову пришлось заполнить свою первую московскую анкету, акцию, совершенную с большой осторожностью. «...Какие местности России хорошо знаете, сколько лет там прожили и были ли за границей. – *Москва, Киев, за границей не был*; Участвовали в войнах 1914-1917. – *прочерк, «1917-1920» - прочерк*; социальное положение до 1917 и основное занятие – *студент*». Даже свое блестящее медицинское образование заменил на ничего не значащее «среднее». По свидетельству М. Чудаковой, «В эти дни, 3 декабря, он получает трудовую книжку – важнейший личный документ тех лет, без которого оформление на службу было невозможно. В ней бывший доктор Булгаков записывает свою новую профессию – «Литератор» и в графе «образование» - «среднее»³³. Все, связанное с таким дорогим, но теперь уже невозможным прошлым, - подлежало вечному неоглашению. А впереди смутно маячила «новая» жизнь. Как она сложится, он еще не знал. И сколько горечи, обид ему ещё надо было снести, он тоже не знал. Но тогда, приобретая новые знакомства и род деятельности, он с особой энергией проявлял свое литературное «volens-nolens»*. «Это много значит в теперешней Москве, которая переходит к новой, невиданной в ней давно уже жизни – яростной конкуренции, беготни, проявлению инициативы и т.п. Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь». И вполне одно-

* volens-nolens - волеИ-неволеИ (лат.).

значно: «В числе погибших быть не желаю!»³⁴. Здесь можно поставить три восклицательных знака - !!!

Литература:

- ¹ Булгаков М. А. Сорок сороков // М.А.Булгаков. Повести. Рассказы. Фельетоны. М., 1988, с.59.
- ² Булгаков М. А. Воспоминание... // М.А.Булгаков. Багровый остров. М., 1990, с. 170.
- ³ Булгаков М. А. Сорок сороков // М.А.Булгаков. Повести. Рассказы. Фельетоны. М., 1988, с. 59
- ⁴ Мидлин Э. Молодой Булгаков // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988, с. 145-146.
- ⁵ Булгаков М.А. Автобиография // Соб. соч в 10-ти томах. М., 2000, с. 92.
- ⁶ Булгаков М.А. Грядущие перспективы // М. А.Булгаков. Морфий. М., 1990, с. 108.
- ⁷ Булгаков М.А. Тайному другу // Собр.соч. в 5 томах. М., 1990. т.4, с. 553
- ⁸ Булгаков М.А. Сорок сороков // там же, с. 59.
- ⁹ Письма публикуются и датруются по авт. ИОР РГБ, ф 562, к 19,ед. хр.22, л. 4-5.
- ¹⁰ Цит. по: Письмо М.А.Булгакова – Н.А.Булгаковой-Земской, дат. 23 окт.1921г. // ПСС в 10 томах, 2000. т. 10, с. 62.
- ¹¹ Паршин Л. Чертовщина в Американском посольстве в Москве или 13 загадок Михаила Булгакова. М., 1991, с. 97.
- ¹² Булгаков М. А. Столнца в блокноте // М.А.Булгаков. Повести. Рассказы. Фельетоны. М., 1988, с. 58.
- ¹³ Булгаков М.А. там же. с.58.
- ¹⁴ Лито – Литературный отдел Главлитпросвета.
- ¹⁵ Цит. по: Чудакова М. О Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988, с. 152.
- ¹⁶ Булгаков М.А. Сорок сороков // Собр.соч. в 5 томах. М., 1990, т.4, с. 60.
- ¹⁷ там же, с. 60.
- ¹⁸ Булгаков М. А. Избранные произведения в 2-х томах. Киев. 1989. Комментар. Р.Янгирова., с. 763.
- ¹⁹ Булгаков М. А. Площадь на колесах (дневник гениального гражданина Полосухина) // М.А.Булгаков. Морфий. М., 1990, с. 199.
- ²⁰ Там же, с.199.
- ²¹ Там же. с.200.
- ²² Катаев В. Алмазный мой венец. М., 1981, с. 67.
- ²³ Цит. по: Дневник Елены Булгаковой. М., 1990, с. 226.
- ²⁴ Булгаков М.А. Воспоминание. // М.А.Булгаков. Соб. соч. в 5-ти томах. М.,1989. т.2, с. 379.
- ²⁵ Там же, с. 380.
- ²⁶ Булгаков М.А. Собачье сердце // М.А.Булгаков. Морфий. М., 1990, с. 361.
- ²⁷ Булгаков М. А. Москва 20-х годов // М.А. Булгаков. Повести. Рассказы. Фельетоны. М., 1988, с.77.
- ²⁸ Булгаков М. А. Бурнаковский племянник // там же, с. 106.
- ²⁹ Булгаков М. А. Торговый ренессанс // М. А. Булгаков. Повести. Рассказы. Фельетоны. М.,1988, с.37.
- ³⁰ Булгаков М. А. Москва Краснокаменная // там же, с.40.
- ³¹ Булгаков М. А. Сорок сороков // там же, с. 61
- ³² Там же. с. 65.
- ³³ Цит. по : Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.,1988, с. 151.
- ³⁴ Цит. по: Письмо М.А. Булгакова – В. М.Булгаковой- Воскресенской, дат. 17 ноября 1921г. // ПСС в 10-ти томах. М., 2000, т. 10, с. 66.